

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2012" членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений Кубка Мира будут объявлены Оргкомитетом 31 декабря 2012 года.

1 место

Конкурсное стихотворение 177.

ИЗМЕНА

Проснешься, нарвешься своей утончённой ноздрёю
на приторный запах подаренной мужем сирени,
и – сердцебиенье, смятение в душевном настрое.
Итак - уравниенье с одной неизвестной: «Нас – трое».
Итог – подозренье в измене.

С тобою он важен, небрежен, с ней – нежен, вальяжен.
Трещат отношения, что были прозрачны, стеклянны.
Лишь похоть, как нефть, из глазных изливается скважин.
Разрушен красивый марьяж, безнадежно изгажен.
Наружу всплывают изъяны.

Пока эдельвейсом ты произрастала над бездной,
то плоть утончала, то творческий дух источала,
супруга манило в объятия той – неизвестной,
не слишком духовной, местами – излишне телесной
иное – земное начало.

Тебе удавались эссе, экзерсисы, этюды,
а ты все букеты, буклеты, конфеты, награды
сложила к ногам ренегата, зануды, Иуды...
Теперь между вами – соперницы груди, как груды,
как горные гряды...

Ты – на высоте, и тебе там не то, чтобы тошно,
но душно, как в туче, пока не пробило на ливень.
Ты тише голубки, но есть голубиная почта.
Клейми же неверных небесным помётом за то, что
их рай примитивен!

2 место

Конкурсное стихотворение 143.

ОЧЕВИДЕЦ

На Купалу в сумерки над холмом
появляются двое, из ниоткуда.
Те, кто были там, не своим умом
возвращались утром, как после блуда:
кто в засосах синих, как в орденах,
у кого разодрана вся спина.

Приезжал чиновник с отарой СМИ
(шуганула полиция любопытных),
обещал развеять досужий миф –
даже жёлтой прессой остались скрыты
результаты выгула на луга.
И погоны с местными ни га-га.

Взяв бинокль и камуфляж надев,
я залёг в осиннике недалече.
За час сорок вызубрил весь рельеф.
Где живут полёвки, мне выдал кречет.
Пару раз барсук подходил ко мне.
Но ничто не дёрнулось на холме.

По рассказам первый (мужик) высок.
Вроде негра, божился Василий Каин.
Над башкой со спицами колесо
золотые искры вокруг пускает –
под гипнозом сами идёте вы.
А вторая – баба без головы.

За спиною солнце коснулось трав,
и на лысой вершине, где только ветер,
проявились эти. Василий прав:
Майкл Иэр Джордан в закатном свете.
Прям рекламный клип: над его лицом
баскетбольное ворочается кольцо.

Я вцепился в оптику: между плеч
у товарки гладко, а то, что ниже
неприкрыто и выпукло. Слышно речь,
словно в церкви молятся. Дальше вижу:
оба воздух плотный, как будто ткань,
раздвигают в стороны. Я - тикать.

Не прополз и метра, из-за осин
вышли люди. И с ними Василий Каин.
Закрутили руки мне и внесли
в безвоздушный лаз. Он внутри зеркален.
Отовсюду слышатся визг и лязг.
Тут земля и небо пустились в пляс.

Баскетбольный мяч ощущает так
пот ладоней, площадки солёный гравий.
Я два раза отскакивал от щита,
извивался, был в нарушение правил.
Попадал в лицо, не понять кому,
бесконечно долго летел во тьму.

Разлепил глаза: санитарка, гипс.
Приходили в штатском, вели беседу.
Отвечал: Не помню. Как не погиб-с,
объяснить не в силах. Брехал соседу,
что набрёл в потёмках, мол сам дундук.
Поскользнулся – вывих обеих рук.

Я довольно часто хожу к холму.
По периметру выставлены капканы.
Я остался в разуме: никому
не свезло так прежде. Василий Каин

дурачка включает, пока молчу,
но при встрече хлопает по плечу.

3 место

Конкурсное стихотворение 127.

ОДНА ЖИЗНЬ ДАШРАТХА МАНДЖИ

Дело было недавно, почти вчера. Засекай полвека до наших дней.
Деревушка в Бихаре, над ней гора. И тропа в обход. И гора над ней.
Путешествие в город съедало дни, напрямик по скалам - смертельный риск.
Вот крестьяне и жили то вверх, то вниз. Да и что той жизни - навоз да рис.

Он - один из них, да, считай любой,
И жена-хозяйка, считай - любовь.
И гора смолола её, урча,
В хороводе оползня закружив.
До больницы день. Это птицей - час,
А, когда телегой, возможно, жизнь.

Тишина скользнула к его виску, прошуршала по глиняному порогу.
Неуклюже щерилась пасть окна, свежесломанным зубом белел восход.
И тогда крестьянин достал кирку и отправился делать в горе дорогу,
Потому что, если не можешь над, остаётся хотя бы пытаться под.

- Здравствуй, гора, - и удар киркой - это тебе за мою жену,
За скрип надежды по колее, бессилие, злость и боль.
- Здравствуй, гора, - и удар киркой - это тебе за то, что одну
Жизнь мне суждено провести в этой борьбе с тобой.

Он работал день, он работал два, он работал неделю, работал год.
Люди месяц пытались найти слова, а потом привыкли кормить его.
Догорит геройства сырой картон, рассосётся безумия липкий яд,
Только дело не в "если не я, то кто", и не в том что "если никто, то я".

- Здравствуй, гора, к чему динамит, я буду душить тебя день за днём,
Ломать твои кости, плевать в лицо, сбивать кулак о твою скулу.
- Здравствуй, гора, к чему динамит, ты ещё будешь молить о нём
Все эти двадцать калёных лет, двести палёных лун.

И гора легла под кирку его.
И дорога в город, примерно, час.
Потому что время сильнее гор,
Даже если горы сильнее нас.

Человек-кирка. И стена-стена
Утирает щебня холодный пот.
Потому что птицы умеют над,
Но никто иной не сумеет под.

Помолчим о морали, к чему мораль. Я бы так не смог, да и ты б не смог.
Деревушка в Бихаре, над ней гора. У горы стоит одинокий бог.
Человек проступает в его чертах, его голос тих, но удар весом.
Человек просто жил от нуля до ста. Да и что той жизни - земля да соль.

4 место

Конкурсное стихотворение 228.

ЭМЕГЕЛЬЧИН ЭЭРЕН. ДУХ ПРОДОЛЖЕНИЯ РОДА

Черная кошка — ночь — свернулась вверху бытия.
Желтым злым медом текут глаза ея.
Она запускает когти елей и кедров в тела
Сладких форелей. Горящий ручей течет оттуда, где мгла.
Земля жжет босую пятку. В ночи земля отдает тепло.
В юрте две жирных бараньих свечи коптят, чадят тяжело.

Закрой глаза. Секунда — век. Закрой — и уже зима.
В юрте предсмертно кричит человек. Зверем сходит с ума.
В юрте — стоны, крики, возня. В зубах зажат амулет.
Ноги роженицы, как ухват, держат бешеный свет.
Тот, кого нет, ломает мрак, сквозь родовые пути
Продирается, сквозь лай собак: до холода, до кости.
Обнимает голову тьма. Луковицу — земля.
Винтись, грызись, - так входят тела в тебя, земная зима.
Зубья красны. Кровавы хвощи. Пещера: звездами — соль...
Дави, бейся рыбой, слепни, - ищи! - пробейся наружу, боль!

Тебя не ждали на этой земле. Тебя не звали сюда.
Плыви, червяк, голомянка, во мгле. Хрустальна небес вода.
Раздвинулись скалы. И хлынут свет. И выметалась икра
Слепящих планет!
Но тебя уже нет —
Там, в небе, где звезд игра!

Плачь, мать! Прижимай пирожок к груди! Сама месила его!
По юрте — снега.
По юрте — дожди.

Небесное торжество.

Ты рыбу жизни словила опять. Кто ей приготовит — нож?!
Ты выткала звездами полог, мать. Ты завтра в степи умрешь.

Но сын созвездья твои прочтет на черной глади ковра:
Вот Конь, вот Охотник, вот Ледоход,
Вот Смерти свистит Дыра.

А в самом зените — Кол Золотой отец крепко в мать вбил:
Чтоб род продолжался его святой,
Чтоб тяжело качался живот над пятой...

...чтоб старой елью, слепой, седой,
Все помнила, как любил.

5 место

Конкурсное стихотворение 232.

ЛИНИЯ СВЯЗИ

В час, когда бог осознал что разведка врёт,
В час, когда пушечный залп освятил мечеть,
Небо над Питером сделало шаг вперёд,
Хмурым косым дождём отдавая честь.

Фрицы из фильмов кричали "тавай, тавай".
Небо вжималось в позёмку, как смертник в дот.
Если на горло удавкой легла Нева,
Хватит ли сил, чтобы сделать последний вдох?

Рухнет на плечи разорванный пулей нимб.
Ляжет на сердце пробитый штыком валет.
Как я мальчишкой пытался бежать за ним
С грузом своих десяти пулемётных лет!

Вечность скрипит окровавленным льдом в горсти.
Что нам эпохи, когда на часах zero?
Буркни хотя бы спасибо, что я гостил,
Раз уж ты снова идёшь без меня на фронт.

Женщина в красном, о, как вам идёт плакат!
Память пятнает бетонную плоть стены.
В мире моём не бывает иных блокад,

Как не бывает "Второй мировой войны".

Небо над Питером режет по нам - живым,
Мёртвые стиснули зубы и держат связь.

Гришка Распутин уходит на дно Невы,
Так и не смыв ни святость свою, ни грязь.

6 место

Конкурсное стихотворение 248.

ШЕЛЕСТ ВЕТРА

В краю, где в чести достархан и коран,
где льдами сверкают Небесные горы,
свой короб ещё не открыла Пандора,
и мир архаичен, скуласт, первоздан.
Там, в детстве азийском, как сон, безмятежном,
щербетное лето и матери нежность,
знакомый чайханщик, базар да казан.
А в утреннем парке, лучами согрет,
картавит арык, терпелив и смиренен,
и каплет на кипы лиловой сирени,
кораллово-розов, диковинный свет.
Там в сумерках ранних рассветной нирваны
над озером горным текучи туманы,
и времени нет...
Там лбы обжигает полуденный зной,
дыханье песков раскалённой пустыни
несут суховеи в барханной гордыне,
в их шелесте – хриплый напев горловой,
поверья седые о жизни, о смерти,
о битве и небе... И беркуты чертят
в потоках круги над моей головой...
И матери голос, и шорох страниц -
кочевников древние кличи ли, притчи ль,
и эпос суровый, и старый обычай...
Путь звёздный омыт молоком кобылиц,
бредут облака, как овечьи отары,
о дружбе поёт манасчи сухопарый,
как плод, смуглолиц...

Но век изувечен, прими и трезвей,
дурманным вином межусобиц и розни

отравлены недра, и воды, и воздух...
И каменным Янусом, неба немей,
Евразии сторож – двуглавая птица -
в смятение и скорби глядит сквозь границы
в бескрайний простор азиатских степей,
где в смене эпох полыхает мятеж
и грозные армии широкоскулых
раскосых племён, покидая аулы,
встают на голодный кровавый рубеж,
мечты о земле и достатке лелея...
Над миром тревожная тень Водолея
и трепет надежд...

7 место

Конкурсное стихотворение 250.

МУХА

ты хочешь выжить,
ты лезешь выше,
а снизу тянут за край плаща...

ночами снятся такие крыши,
с которых надо кричать «прощай».
вдруг замолкаешь на полуслове,
соображаешь, дай бог, на треть,
а в мягких пальцах так мало крови,
что ими кружку не рассмотреть.

на тумбе пусто, в гортани сухо
и еле-еле жужжит окно.
ты понимаешь: вот сдохнет муха –
и сразу станет
совсем темно.

8 место

Конкурсное стихотворение 204.

ТАТКА

Татка, не плачь. Это время такое гнилое.
Если не мяч, так развод, не развод, так киста.

Лето – как мачеха: серое, дымное, злое.
Грязной водой размывает опоры моста.

Татка, я выросла видишь какая большая?
Ноги стоят на земле, голова – в облаках.
Спит в волосах журавлей перелетная стая,
И прорастает лопух на невытых руках.

Я подержу тебя в теплых чумазах ладонях.
Здесь не бывает ни ветра, ни мокрых снегов.
Татка, твой мяч никогда, ни за что не утонет.
Я эту реку не выпущу из берегов.

Татка, вот деньги. Возьми и настрой фортепьяно.
Я до утра подлатаю трухлявый мосток.
Гаммы Шопена толпятся и плачутся пьяно,
Ходит во тьме ходуном золотой молоток.

Татка, мы живы. За нами последнее слово.
Брезжит за мутными окнами зимний рассвет.
Можешь играть без опаски. Я выловлю снова
Мяч из реки, у которой названия нет.

9 место

Конкурсное стихотворение 10.

СОН ПРОРАБА

Вечером – ласточки, ночью – летучие мыши
в воздухе летнем у стен суетливо снуют.
Кот полосатый сурово гоняет двух рыжих,
что-то кузнечики в травах прилежно куют.
На пустыре был заложен вчера супермаркет,
жались машины к домам оголтелой гурьбой.
Выправил смету прораб и убрал чёрный маркер,
и с головою ушёл в сновиденье, как в бой.

Через развязки, сплетения, ямы, траншеи
дрёма крадётся стигматом извечной войны:
и автокран, как жираф, тянет длинную шею,
месяц суглинок бульдозеры, словно слоны.
Там, где в оплётке резиновой вьются лианы,
светятся лампочек жёлтых тугие плоды –
там по лианам скользят вверх и вниз обезьяны

и получают по пригоршне звёзд за труды.

Дремлет прораб, одурманенный горькой отравой,
и проступает сквозь джунгли убогий пустырь,
и подступает к окну разнотравья,
и навеивает кошмары крылом нетопырь.
А поутру похмелится прораб, примет дозу,
глянет в окошко бытовки, не чая беды:
нет автокрана, исчез среди ночи бульдозер,
и повсеместно видны обезьяньи следы.

10 место

Конкурсное стихотворение 206.

ДЕРЕВЕНСКОЕ

В деревне, где полёвки да кроты
гораздо многочисленней, чем люди,
ворочает разбухшие пласты
пшеничный бог, мечтающий о чуде,
не зная, доживёт ли до весны
в краю, где смерть гуляет в снежной маске,
где женщины в тулупах расписных
заводят огнедышащие пляски,
где пасечник сноровистый жужжит,
в бутылки разливая медовуху -
унять тревогу, вечную, как жид,
залить непобедимую разруху;
на улице, подмяв собой кусты,
лежит оцепенелая корова
и повторяет голосом густым
простое переливчатое слово.
Из темноты идёт большой пастух
с кнутом, огнём, со взглядом вертухая...
...и безголовый носится петух,
рассвет неумолимый возглашая.